

Научная статья

УДК 821.161.1 Набоков
DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-69-83

Тема русскоязычной научной диаспоры за рубежом в творчестве В. В. Набокова

Роман Отмарович Райнхардт ¹
Екатерина Владимировна Сенина ²
Константин Алексеевич Немудров ³

¹⁻³ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)
Москва, Россия

¹ don.reinhardt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0890-8844>

² e.senina@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

³ nemudrov.k.a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1651-8563>

Аннотация

Рассмотрена эволюция темы русскоязычной научной диаспоры за рубежом в творчестве В. В. Набокова. Появление этой темы стало во многом закономерным и обусловливалось собственной биографией Набокова, который, как известно, был не только выдающимся литератором, но и видным ученым-энтомологом. Его увлечение бабочками представляло собой не просто хобби, но профессиональную исследовательскую деятельность, занятию которой способствовало полученное в Кембриджском университете, пусть и неоконченное, высшее образование в области зоологии. Во время эмиграции в США он параллельно с литературным творчеством активно вел научную работу по этому направлению и достиг значимых успехов, признанных в кругах специалистов. Этот опыт наряду с преподаванием русского языка и литературы в именитых американских колледжах нашел преломленное отражение в ряде его романов и стихотворений. Принимая во внимание то, что до сих пор научные диаспоры, будучи сравнительно новой и специфической в плане изучения темой, не выступали объектом анализа в рамках литературоведческих трудов, авторами впервые проанализирована ее трансформация в художественных текстах Набокова, основные из которых в хронологическом порядке: «Университетская поэма» (1927), «Подвиг» (1932), «Дар» (1938), «Парижская поэма» (1943), «Лолита» (1955) и «Пнин» (1957). Доказано, что фигурирующих в названных произведениях научных работников и университетских профессоров-эмигрантов (некоторые из них, как и сам писатель, имели опыт работы не только в сфере гуманитарных, но отчасти и в области естественных наук) допустимо рассматривать в качестве представителей русскоязычной научной диаспоры в странах Западной Европы и США в современной трактовке этого понятия.

Ключевые слова

литература русского зарубежья, В. В. Набоков, эмиграция, научная диаспора, утечка умов, «Университетская поэма», «Парижская поэма»

© Райнхардт Р. О., Сенина Е. В., Немудров К. А., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 69–83
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2, pp. 69–83

Литературная жизнь сюжета

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10136

Для цитирования

Райнхардт Р. О., Сенина Е. В., Немудров К. А. Тема русскоязычной научной диаспоры за рубежом в творчестве В. В. Набокова // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2. С. 69–83. DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-69-83

The Topic of Russian-Speaking Scientific Diaspora Abroad in Vladimir Nabokov's Oeuvre

**Roman O. Reinhardt¹, Ekaterina V. Senina²
Konstantin A. Nemudrov³**

¹⁻³ MGIMO University
Moscow, Russian Federation

¹ don.reinhardt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0890-8844>

² e.senina@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4724-7890>

³ nemudrov.k.a@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1651-8563>

Abstract

The article deals with the evolution of the topic of Russian-speaking scientific diaspora abroad in the oeuvre of Vladimir Nabokov. The emergence of this topic was largely natural and conditioned by Nabokov's own biography, who, as is well known, was not only an outstanding writer but also a prominent entomologist. His fascination with butterflies was not just a hobby but a professional research activity, facilitated by his albeit unfinished degree in zoology from Cambridge University. During his emigration to the United States, he actively pursued research in this field alongside his literary work and achieved significant successes recognized by peer specialists. This experience, along with teaching Russian language and literature at renowned American colleges, is reflected in several of his novels and poems. Taking into account that scientific diasporas, being a comparatively new and specific topic in terms of study, have not yet been the object of analysis within the framework of literary studies, the authors analyze for the first time its transformation in Nabokov's literary texts, the main ones of which, in chronological order, are: "University Poem" (1927), "Glory" (1932), "The Gift" (1938), "Paris Poem" (1943), "Lolita" (1955) and "Invitation" (1957). It is proved that the émigré scientists and university professors featured in the aforementioned works, some of whom, like the writer himself, had experience working not only in the humanities, but also partly in natural sciences, can be considered as representatives of the Russian-speaking scientific diaspora in the countries of Western Europe and the USA in the modern interpretation of this concept.

Keywords

Russian literature abroad, Vladimir Nabokov, scientific diaspora, emigration, brain drain, "University poem", "Paris poem"

Acknowledgments

The study is supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-78-10136

For citation

Reinhardt O. R., Senina E. V., Nemudrov K. A. The Topic of Russian-Speaking Scientific Diaspora Abroad in Vladimir Nabokov's Oeuvre. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 2, pp. 69–83. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-69-83

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 2

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2

Русскоязычная научная диаспора за рубежом – во многих отношениях уникальное явление. Несмотря на то, что ее история насчитывает уже не одно столетие (среди первых ее представителей *ante litteram* некоторые исследователи склонны называть князя Андрея Курбского, покинувшего родные земли в 1564 г. [Райнхардт, 2025, с. 19]), в качестве самостоятельного предмета комплексных и отчасти междисциплинарных исследований она стала закрепляться сравнительно недавно – в течение последних двадцати лет [Там же, с. 18]. Находясь на пересечении, с одной стороны, науковедения и, с другой стороны, эмигрантологии, это исследовательское направление неоднократно разрабатывалось в работах по исторической [Стародубцев, 2014; Буслаев, Немудров, 2024], социологической [Рязанцев, Письменная, 2013], политико-экономической [Аллахвердян, 2007; Дежина, 2012; Коробков, 2012] и даже библио- и наукометрической [Юревич и др., 2020; Subbotin, Aref, 2021] проблематике.

Обобщая результаты проведенного в перечисленных, равно как и в других, трудах анализа, под научными диаспорами целесообразно понимать сообщества научных работников, проживающих за рубежом, однако поддерживающих или, во всяком случае, желающих поддерживать регулярные рабочие контакты и связи с коллегами-соотечественниками, учеными, академическими учреждениями и вузами стран, где они начинали строить исследовательскую карьеру [Райнхардт, Немудров, 2025, с. 470].

Одна из имманентных черт русскоязычной научной диаспоры – ее «атомизированность» [Аллахвердян, 2007, с. 101] и низкая по сравнению с аналогичными иностранными сообществами склонность к консолидации, которая прослеживается на протяжении большей части ее истории. В этой истории различных периодов немало «белых страниц» и еще не в полной мере исследованных эпизодов. В связи с этим их дальнейшее последовательное изучение, в том числе в контексте «утечки умов», остается важной научной задачей, решение которой может нести потенциальную пользу не только теоретикам и историкам, но также практикующим специалистам, включая лиц, принимающих решения в области научной политики и научной дипломатии.

При относительно высокой степени научной разработанности проблемы и интересе к ней со стороны экспертов, обращает на себя внимание отсутствие профильных исследований в области литературоведения. В свете сказанного достаточно интересным и обладающим, на наш взгляд, научной новизной предстает впервые проводимый нами анализ этого феномена на литературном материале, а именно в творческом наследии одного из наиболее известных литераторов русского зарубежья В. В. Набокова, также публиковавшегося некоторое время под псевдонимом В. Сирин. Таким образом, объектом исследования настоящей работы выступает тема русскоязычной научной диаспоры за рубежом в художественных текстах Набокова.

Прежде всего, необходимо отметить, что и его самого в пору считать одним из представителей такой диаспоры. После того, как семья Набоковых навсегда покинула Россию в апреле 1919 г., двадцатилетний Владимир поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. В 1922 г. он успешно окончил его, получив звание *Bachelor of Arts* (бакалавр искусств / гуманитарных наук). Однако изначально будущий бакалавр изучал там зоологию на отделении естественных наук и лишь на старших курсах перешел на филологическое отделение (славян-

ские и романские языки) со специализацией на русской и французской литературе [Бойд, 2010б, с. 202].

«Кембриджский», или «студенческий», период нашел отражение в поразительной по своей форме [Харитонов, 2013] и содержанию [Беспалова, 2020, с. 121–126] «Университетской поэме» (1927). Детально описывая «мир, в который...» лирический герой «...нежданно упал из русских облаков» [Набоков, 1991б, с. 452], автор со знанием дела характеризует его (и, вероятно, на определенном этапе свои) научные студенческие будни:

Но о стихах мне было вредно
в те годы думать. Винтик медный
вращать, чтоб в капельках воды,
сияя, мир явился малый, –
вот это день мой занимало.
Люблю я мирные ряды
лабораторных ламп зеленых,
и пестроту таблиц мудреных,
и блеск приборов колдовской.
И углубляться день-деньской
в колодец светлый микроскопа
ты не мешала мне совсем,
тоскующая Каллиопа,
тоска неконченных поэм.

Зато другое отвлекало:
вдруг что-то в памяти мелькало,
как бы не в фокусе, – потом
ясней, и снова пропадало.
Тогда мне вдруг надоедало
иглой работать и винтом,
мерцанье наблюдать в узоре
однообразных инфузорий,
кишки разматывать в уже;
лаборатория уже
мне больше не казалась раем;
я начинал воображать,
как у викария за чаем
мы с нею встретимся опять
[Там же, с. 453].

Собственно, после этих строк с отсылкой к строфе XXX первой главы «Евгения Онегина» («Люблю я бешеную младость...») начинает завязываться романтическая линия набоковской поэмы. Отметим, что ее переключка с пушкинской, в том числе в виде подобных реминисценций, очевидна не только литературоведам, предметом изучения которых она не раз становилась (о феномене «зеркальности», например, писал В. С. Харитонов [2013]), но и любому, кто хоть раз внимательно и вдумчиво прочел «энциклопедию русской жизни». В процитированном пассаже иронично выражен контраст откровений ценителя шика-

ных балов и женских ножек, с одной стороны, и на первый взгляд тихого интроверта-«ботаника», вернее, зоолога, с другой.

В ходе бурного, но столь же целомудренного романа набоковского героя с Виолетой он честно (возможно, оправдываясь) признается:

В такие дни, с такою ленью
не до науки. К сожаленью,
экзамен нудит, хошь не хошь...
[Набоков, 1991б, с. 465].

Завершается поэма самим экзаменом и выпускным балом.

Как видим, биографическое отличие автора от его лирического «я» состоит в том, что второй остался в естественно-научной колее, в то время как первый после нескольких семестров перешел, в англосаксонских академических терминах, из *sciences* в *humanities* и, соответственно, из разряда *scientists* в категорию *scholars*.

Тем не менее, как во время студенчества, так и на протяжении последующей карьеры Набокова пресловутого конфликта «физика и лирика» (или, с учетом специализации, «энтомолога и лирика») в его внутреннем измерении не произошло. Муза не ревновала его к науке, как он это выразил еще в 1921 г. [Бойд, 2010б, с. 211] в озаглавленном по-английски *Biology* (биология), но написанном на русском языке стихотворении:

Муза меня не винит: в науке о трепетах жизни
все – красота. Искромсав осторожно липовый листик,
винт золотой верчу, пока не наметается ясно
в круглом белом просвете святые зеленые соты;
или же сердцем живым распятой лягушки любуюсь:
сладостно рдеет оно, будто спелая, липкая вишня.
Режу, дроблю, вникаю, вижу сокрытые мышцы,
ветви несметных жил, и, что вижу, мелкими цветными
четко черчу на доске.

Сверкают стекла, невнятно
пахнет эфиром и прелью в комнате длинной и светлой.
Радостен тонкий труд, и радостно думать, что дома
ждет меня томик стихов и музой набитая трубка
[Набоков, 1991б, с. 152].

Едва ли будет преувеличением утверждать, что Набоков одинаково преуспел и как литератор (что неоспоримо), и как лепидоптеролог, известный в соответствующих, по понятным причинам более узких, как и сама эта область научного знания, кругах. Иначе говоря, и литература, и наука как способы познавательной деятельности [Сенина, 2025, с. 48] играли одинаково важную роль в его жизни.

В интересующем нас контексте дополнительно отметим, что во время обучения в элитном британском колледже Набоков основал там Славянское общество – ассоциацию, объединявшую интересующихся русской культурой и литературой, главным образом из числа таких же, как он, эмигрантов. Судя по содержанию

доступных архивных фондов¹, с современных позиций ее вполне допустимо рассматривать как своего рода научно-диаспоральную структуру.

Достижения же его на ниве изучения бабочек выразились в порядке 25 научных публикаций (первая из которых была подготовлена тоже в Кембридже), а также в том, что во время эмиграции в США он сначала трудился в качестве эксперта Американского музея естественной истории в Нью-Йорке, а затем – де-факто куратора коллекции в Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета [Gould, 1999, p. 50]. Этой «ипостаси» Набокова посвящен ряд работ, среди которых особого внимания заслуживают статья видного американского палеонтолога, биолога-эволюциониста, историка и популяризатора науки С. Дж. Гулда «Набоков, ученый» [Ibid.] и совместное издание ведущего биографа Набокова Б. Бойда с лепидоптерологом и писателем Р. М. Пайлом «Бабочки Набокова» [Nabokov's Butterflies, 2000].

Таким образом, профессиональный путь и личный опыт Набокова позволяют позиционировать его в том числе как представителя русской научной диаспоры за рубежом, вынужденно оказавшегося в изгнании (сначала в странах Западной Европы, а затем в США).

По мере его становления и развития как писателя данный опыт частично воплощался в произведениях. В них постепенно и поочередно выходят на сцену его в формальном отношении коллеги – в первую очередь, университетские профессора. Однако, с нашей точки зрения, речь идет не только и не столько о преподавателях высшей школы в «галерее набоковских персонажей», как это, безусловно, очень грамотно и тщательно описано в работе А. А. Накаряковой [2015], и не о Набокове как об «основоположнике университетского романа» [Беспалова, 2020, с. 130], согласно Е. К. Беспаловой (этот тезис мы считаем дискуссионным и нуждающимся в дополнительной аргументации), но о неразрывной триаде «профессор / ученый – эмигрант поневоле – человек, желающий вернуться в Россию или хотя бы сохранить с нею связь».

Первый из таких – персонаж романа «Подвиг» (1932), профессор русской словесности и истории Кембриджского университета Арчибальд Мун. Он представлен увлеченным и обладающим энциклопедическими познаниями русистом, считающим, что революции 1917 г. положили конец истории изучаемой им страны. В ней он в свое время «прожил довольно долго, всюду побывал, всех знал, все перевидел» [Сирин, 1932, с. 44]. Во многих вопросах он более компетентен, чем образованные юные эмигранты – носители языка, выросшие в русской культуре. Несмотря на то, что они мало чем могут быть полезны ему для научных изысканий, Мун поддерживает регулярные рабочие контакты с ними (как формальные, так и неформальные), включая на определенном отрезке и главного героя романа Мартына. Вероятно, профессор не меньше них хотел бы снова оказаться в России для дальнейшего сбора эмпирического материала, методами которого он мастерски владеет (обаяние Муна и умение быстро наладить контакт с собеседником позволяют сделать предположение, которое, впрочем, вряд ли может быть чем-то подкреплено, о его связях с разведсообществом). Однако на рациональном уровне он, в отличие от некоторых его студентов-экспатов, прекрасно осознает несо-

¹ Records of the Cambridge University Slavonic Society, 1922–1983 // Cambridge University Archives.

стоятельность подобных устремлений. С учетом этого, ученый концентрируется на работе над фундаментальным трудом по истории России на английском языке. Как следствие, при том, что он подданный Британской империи (в отличие от самого Набокова, оставшегося апатридом, как, вероятно, и некоторые из рассмотренных ниже персонажей его произведений) и англичанин по крови, Арчибальд Мун довольно органично вписывается в круг русскоязычной научной диаспоры Кембриджа.

Главный герой романа «Дар» (1938) Федор Годунов-Чердынцев, равно как и фигурирующие в первом англоязычном романе писателя «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) профессора, в свою очередь, имеют к ней опосредованное отношение. Первый дает частные уроки английского языка в столице Веймарской республики, где, к слову, в тот период существовала исследованная впоследствии специалистами русская научная международно-правовая диаспора [Стародубцев, 2014] и даже Русский научный институт, в котором преподавали такие «светила» как Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. И. Ясинский и др. Годунов же занимается репетиторством исключительно ради заработка (будучи, как выразился в «Исповеди» М. А. Бакунин, «пригвожден к Берлину безденежьем»), не получая от взаимодействия с учеником ни малейшего интеллектуального удовлетворения, но даже испытывая определенное отвращение к этому роду занятий [Набоков, 1975, с. 181]. Единственное, что в некоторой степени сближает и даже в прямом и переносном смысле *роднит* Годунова с научным сообществом, – проект написания биографии покойного отца, Константина Кирилловича, который был ученым-энтомологом, совершившим несколько исследовательских экспедиций в Сибирь и Среднюю Азию. Попытка выяснить время и место его смерти (в большей степени расследование, чем исследование) – один из центральных сюжетов романа [Капинос, 2020, с. 404], который получит развитие в следующем – истории про Найта.

Однако если эрудит Мун служит науке, то для *одаренного* Годунова главное – все-таки искусство. Персонажи-педагоги из «Истинной жизни Себастьяна Найта» не соотносятся с самой категорией диаспоры.

Зато к научной диаспоре по праву можно отнести протагониста «Лолиты» (1955) Гумберта Гумберта. Его исследовательская карьера, описанная с едкой самоиронией, началась в Париже 1930-х гг.:

Одна из моих работ, озаглавленная «Прустовская тема в письме Китса к Бенджамину Бейли» вызвала одобрительные ухмылки у шести-семи ученых, прочитавших ее. Я пустился писать «Краткую историю английской поэзии» для издателя с большим именем, а затем начал составлять тот учебник французской литературы (со сравнительными примерами из литературы английской) для американских и британских читателей, которому предстояло занимать меня в течение сороковых годов, и последний томик которого был почти готов к напечатанию в день моего ареста [Набоков, 1991а, с. 28].

Перебравшись в начале Второй мировой войны в Нью-Йорк, он по предложению американского университета продолжил работу над «Сравнительной историей французской литературы». После лечения в психиатрической клинике Гумберт принял участие в арктической экспедиции в Канаде, будучи прикоман-

дированным в качестве «наблюдателя за психическими реакциями» к группе, в состав которой входили метеорологи, ботаники и другие специалисты в разных областях естественных наук. Абсурдность ситуации, при которой душевнобольному человеку поручают документировать психические реакции других (возможно, здоровых) людей, говорит сама за себя. Тем не менее итогом двадцатимесячных полевых наблюдений за поведением коллег-ученых стала публикация «сплошь выдуманного» отчета Гумберта в двух ведущих профильных изданиях по психофизике и по исследованиям Арктики [Набоков, 1991а, с. 46–47] – очередная насмешка Набокова над академическим миром, к которому, как уже было сказано, он сам отчасти принадлежал.

По возвращении из добровольной и «полезной» ссылки в американское Заполярье (неявная реминисценция пушкинского «Но вреден Север для меня»), персонаж вновь занимается литературоведческими штудиями (как следует из процитированного выше отрывка, вплоть до ареста), периодически прерываемыми лечением в психбольницах, и некоторое время даже преподает в Кантрипском университете. Таким образом, с поправкой на его исходный, если угодно, генетически предопределенный космополитизм, Гумберта в 1940-х – начале 1950-х гг. уместно рассматривать как представителя западноевропейской научной диаспоры в США. Использование в оригинальном тексте ряда транслитерированных русских слов и аллюзий на феномены русской культуры (например, свою первую жену Гумберт характеризует как «...*practically brainless baba*» (практически безмозглая *баба*) [Nabokov, 2015, p. 26]), позволяет, пусть и с некоторым допущением, сделать гипотетическое предположение о его примыкании к русскоязычному сегменту последней.

Наиболее же полно и ярко образ представителя русскоязычной научной диаспоры на Западе раскрывается в персонаже одноименного романа Тимофее Пнине (1957 г.). Будущий профессор-экспат получил ученую степень по социологии и политической экономии в Пражском университете [Набоков, 1983, с. 12], а перебравшись в Соединенные Штаты, стал преподавателем русского языка. Дидактика для него, как и для большинства его предшественников в набоковском творчестве, «ремесло поневоле», своего рода барщина. Другое дело – научно-исследовательская работа:

Затем он вернулся в свою каморку к своим изысканиям.

Он замыслил написать *Petite Histoire* <Малую Историю (*фр.*). – Пер. авт.> русской культуры, где собрание русских курьезов, обычаев, литературных анекдотов и так далее было бы представлено таким образом, чтобы в нем отразилась в миниатюре *la Grande Histoire* <Большая История (*фр.*). – Пер. авт.> – Великая Взаимосвязь Событий. Он был еще в блаженной стадии сбора материалов, и много хороших молодых людей почитало за удовольствие и честь наблюдать за тем, как Пнин извлекает ящик с каталогом из обширной утробы картотеки и несет его, как большой орех, в уединенный уголок и там добывает себе из него скромную духовную пищу... [Там же, с. 73].

По существу, он в этом смысле прямой продолжатель дела Арчибальда Муна. Однако если в «Подвиге» (как отчасти и в «Истиной жизни Себастьяна Найта») читатель лишь из-за кулис заглядывает в специфический, живущий по своим за-

конам, университетский и академический мирок, то «Пнин» полностью посвящен ему и населяющим его персонажам, уже не блеклым, но детально «прорисованным». В том же романе Набоков вновь с юмором, местами даже издевательски и карикатурно описывает профессию вымышленного (в отличие от реального Кембриджа) Вайнделлского колледжа, ее нравы, слабости и научные интересы. Чудаковатому и поначалу с трудом преодолевающему языковой барьер Пнину так и не удается вписаться в эту среду. Он остается в ней совершенно чужеродным телом и в конце концов покидает кампус. Впрочем, из следующего романа «Бледный огонь» (1962) [Беспалова, 2020, с. 123], иногда также определяемого как «антироман», при этом не выступающего прямым продолжением (сиквелом) «Пнина», следует, что профессор возглавил кафедру славистики другого университета. Иными словами, при всей условности обозначенного личного хэппи-энда Пнина, неудачником его не назовешь.

Думается, что в основу произведения лег главным образом собственный опыт работы Набокова на должностях профессора русской словесности Колледжа Уэлсли в 1941–1947 гг. и знаменитого, входящего в Лигу плюща, Корнеллского университета в 1948–1959 гг. [Бойд, 2010а, с. 32–141].

На фоне рассмотренной эволюции образа представителя научной диаспоры в романах Набокова, в его стихах все четче звучали ностальгическая нота и мотив несбыточной мечты о возвращении в «родную гавань», в том числе и в академическую. Здесь, на наш взгляд, заслуживает упоминания, во-первых, стихотворение «Билет» (1927, Берлин), на которое Демьян Бедный написал ставший известным Набокову хамский ответ-памфлет «Билет на тот свет» [Марков, 2018, с. 198]. Во-вторых, «К России (“Отвяжись, я тебя умоляю!”)» (1938, Париж), о возможности альтернативного прочтения которого мы упоминали в одной из наших предыдущих работ [Райнхардт, 2017, с. 112], и, наконец, в-третьих, «Парижская поэма» (1943, Кембридж, Массачусетс).

Что касается последней, то в интересующем нас контексте обращают на себя внимание уже первые строки:

Отведите, но только не бросьте.
Это – люди; им жалко Москвы.
Позаботьтесь об этом прохвосте:
он когда-то был ангел, как вы.
И подайте крыло Никанору,
Аврааму, Владимиру, Льву –
смерду, князю, предателю, вору:
*ils furent des anges comme vous*².
Всю ораву, – ужасные выи
стариков у чужого огня, –
господа, господа голубые,
пожалейте вы ради меня!
[Набоков, 1991б, с. 275]

То, что речь идет о русскоязычной диаспоре в Париже, очевидно. Спекуляции относительно наличия среди перечисляемых личных имен научных работников

² Они когда-то были ангелы, как Вы (*фр.*). – Пер. ред. изд.

заведомо бесплодны. Прослеживается, однако, переключка с «Университетской поэмой»: образ «нежданно упавшего из русских облаков» студента Кембриджа (не массачусетского, в котором будет написана «Парижская поэма», но британского) [Набоков, 1991б, с. 452] и неприкаянных «падших ангелов» во французской столице.

Далее в тексте «Парижской поэмы» упоминается сосед лирического героя – «некто Вульф, худощавый и рыжий инженер лет пятидесяти» [Там же, с. 276]. Инженер, разумеется, не тождествен ученому, однако если говорить о научной диаспоре не в узком значении указанного понятия, но в расширенном – как о научно-технологической диаспоре [Коробков, 2012], то Вульф вполне может быть отнесен к ней.

Реальных инженеров или ученых с такой фамилией, живших в Париже в описываемый Набоковым период, в ходе длительных поисков нам обнаружить не удалось. Вероятнее всего, это такой же вымысел, как и название улицы, на которой проживали герои («в пятом доме по рю Пьер Лоти») [Набоков, 1991б, с. 276]: на Марсовом поле есть одноименная авеню, однако там они точно проживать не могли). Не исключено, что «фейковая» фамилия инженера – отсылка к Алексею Николаевичу Вульфу, другу и соседу А. С. Пушкина по Михайловскому, выпускнику Дерптского университета, который в 1825 г. содействовал замышлявшемуся, но, разумеется, так и не состоявшемуся побегу ссыльного поэта за границу [Черейский, 1988, с. 84; Погребная, 2021, с. 32].

Как бы то ни было, мотив ностальгии, пронизывающей практически все набоковское творчество, в перечисленных и проанализированных нами произведениях налицо и едва ли нуждается в дополнительных комментариях и пояснениях. Впрочем, в преломлении научной диаспоры это не просто желание вновь увидеть Родину, но вернуться к истокам, *исследовать*, открыть и заново обрести себя, к чему одновременно стремятся лирический герой и автор «Парижской поэмы»:

чтоб опять очутиться мне – о, не
в общем месте хотений таких,
не на карте России, не в лоне
ностальгических неразберих, –
но, с далеким найдя соответствие,
очутиться в начале пути,
наклониться – и в собственном детстве
кончик спутанной нити найти.
И распутать себя осторожно,
как подарок, как чудо, и стать
серединою многодорожного
громогласного мира опять
[Набоков, 1991б, с. 278].

Исходя из этого, можно заключить, что тема русскоязычной научной диаспоры за рубежом носит синтетический (пусть и не синэстетический [Забияко, 2011]) характер в творчестве Набокова. Она представляет собой производную как от его собственного студенческого, научного и преподавательского опыта, так и от «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» в отношении коллег и эмигрантов – товарищей по несчастью, с тем или иным успехом пытавшихся устроить

свою жизнь, в том числе и профессиональную, на чужбине. Эта тема получит развитие как в реалиях, так и в литературе русской эмиграции «третьей волны»: подобно Набокову и Пнину, университетскими преподавателями позднее станут, например, И. А. Бродский (в 1972–1980 гг.) и ряд персонажей довлазовского «Филиала» (1987). Однако, как было показано в настоящей работе, у Набокова научная диаспора шире американской славистики, а среди ее представителей есть исследователи в области не только гуманитарных (которых, конечно, большинство), но и естественных наук или, по крайней мере, занимавшихся последними на определенных этапах своей карьеры: в частности, лирический герой «Университетской поэмы», Гумберт Гумберт и инженер Вульф. Дальнейшее изучение намеченной здесь темы, с нашей точки зрения, может представлять интерес не только с позиций литературоведения и культурологии, но также и в рамках междисциплинарных науковедческих исследований, как теоретических, так и прикладных.

Список литературы

- Аллахвердян А. Г.* Российская научная диаспора как составляющая отечественной науки на рубеже XX–XXI веков // *Российский химический журнал*. 2007. № 3 (51). С. 99–107.
- Беспалова Е. К.* Университетская проза В. Набокова // *Учен. зап. Крм. федерал. ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2020. Т. 6, № 3 (72). С. 117–134.
- Бойд Б.* Владимир Набоков. Американские годы. М.: Симпозиум, 2010а. 948 с.
- Бойд Б.* Владимир Набоков. Русские годы. М.: Симпозиум, 2010б. 696 с.
- Буслаев Г. Н., Немудров К. А.* Российская научная диаспора в Германии в 1990–2010-е годы: пути формирования и особенности развития // *Научный диалог*. 2024. № 3. С. 308–330.
- Дежина И. Г.* Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками // *Экономика и прогнозирование*. 2012. Т. 10, № 2. С. 9–24.
- Забяко А. А.* Синэстезия: метаморфозы художественной образности. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. 211 с.
- Капинос Е. В.* Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа: от «Жизни Арсеньева» И. Бунина к «Дару» В. Набокова. Часть 1 // *Сюжетология и сюжетография*. 2020. № 2. С. 393–406.
- Коробков А. В.* Российская научно-технологическая диаспора в США // *Российский совет по международным делам*. 17.05.2012. URL: <https://russianscouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/> (дата обращения 05.02.2026).
- Марков А. В.* Был ли Набоков знаком с памфлетом на него Демьяна Бедного? // *Вестник Удмурт. ун-та*. 2018. Т. 28, № 2. С. 195–200.
- Набоков В. В.* Дар. Анн-Арбор: Ардис, 1975. 415 с.
- Набоков В. В.* Пнин. Анн-Арбор: Ардис, 1983. 184 с.
- Набоков В. В.* Лолита. М.: Худож. лит., 1991а. 415 с.
- Набоков В. В.* Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1991б. 574 с.

- Накарякова А. А. Преподаватели в галерее набоковских персонажей // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 200–208.
- Погребная Я. В. Философия имен собственных и названий в лирике В. В. Набокова (на материале стихотворений, вошедших в прижизненные сборники) // Colloquium-Journal. 2021. № 9-2 (96). С. 30–33.
- Райнхардт Р. О. Почетный посол России // Обозреватель – Observer. 2017. № 11 (334). С. 108–115.
- Райнхардт Р. О. Российская научная диаспора за рубежом: к вопросу об идентичности и самоидентификации // Современная идентичность в условиях глобальных вызовов: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 10–11, 14 декабря 2024 г. / Под ред. Е. В. Викторовой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2025. С. 18–26.
- Райнхардт Р. О., Немудров К. А. Развитие научных диаспор как инструмент научной дипломатии: опыт Италии // Регионология. 2025. Т. 33, № 3 (132). С. 468–482.
- Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4 (348). С. 24–35.
- Сенина Е. В. Рецепция китайской культуры и литературы в творчестве Германа Кочурова // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 2. С. 46–58.
- Сирин В. Подвиг. Париж: Современные записки, 1932. 139 с.
- Стародубцев Г. С. Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия) // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 337–346.
- Харитонов В. С. «Университетская поэма» В. Набокова и «Евгений Онегин» А. Пушкина (к проблеме «зеркальной» поэтики) // Philologos. 2013. № 19 (4). С. 76–81.
- Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1988. 544 с.
- Юревич М., Еркина Д., Цапенко И. Измерение международной мобильности российских ученых: библиометрический подход // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 9 (64). С. 53–62.
- Gould S. J. Nabokov, Scientist // Natural History. 1999. Vol. 6. July. P. 46–51.
- Nabokov's Butterflies / Ed. by Brian Boyd and Robert Michael Pyle. Boston: Beacon Press, 2000. 782 p.
- Nabokov V. Lolita. London: Penguin Random House UK, 2015. 331 p.
- Subbotin A., Aref S. Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020 // Scientometrics. 2021. No. 126. P. 7875–7900.

References

- Allahverdyan A. G. Rossiiskaya nauchnaya diaspora kak sostavlyayushchaya otechestvennoi nauki na rubezhe XX–XXI vekov [The Russian scientific diaspora as a component of national science at the turn of the 20th – 21st centuries]. *Russian Chemical Journal*, 2007, no. 3 (51), pp. 99–107. (in Russ.)
- Bespalova E. K. Universitetskaya proza V. Nabokova [V. Nabokov's University Prose]. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences*, 2020, vol. 6, no. 3 (72), pp. 117–134. (in Russ.)

- Boyd B. Vladimir Nabokov. Amerikanskie gody [Vladimir Nabokov: the American years]. Moscow, Simpozium Publ., 2010, 948 p. (in Russ.)
- Boyd B. Vladimir Nabokov. Russkie gody [Vladimir Nabokov: the Russian years]. Moscow, Simpozium Publ., 2010, 696 p. (in Russ.)
- Buslaev G. N., Nemudrov K. A. Rossiiskaya nauchnaya diaspora v Germanii v 1990–2010-e gody: puti formirovaniya i osobennosti razvitiya [Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s – 2010s: Formation Paths and Development Features]. *Scientific Dialogue*, 2024, no. 3, pp. 308–330. (in Russ.)
- Chereisky L. A. Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and his entourage]. Leningrad, Nauka, 1988, 544 p. (in Russ.)
- Dezhina I. G. Politika Rossii po razvitiyu sotrudnichestva s zarubezhnymi uchenymi-sootechestvennikami [The policy of Russia for the development of cooperation with foreign scientists-compatriots]. *Economics and Forecasting*, 2012, vol. 10, no. 2, pp. 9–24. (in Russ.)
- Gould S. J. Nabokov, Scientist. *Natural History*, 1999, vol. 6, July, pp. 46–51.
- Kharitonov V. S. “Universitetskaya poema” V. Nabokova i “Evgenii Onegin” A. Pushkina (k probleme “zerkal’noi” poetiki) [“University Poem” by V. Nabokov and “Eugene Onegin” by A. Pushkin (to the problem of the “mirror” of poetics)]. *Filologos*, 2013, no. 19 (4), pp. 76–81. (in Russ.)
- Kapinos E. V. Tematicheskaya kompozitsiya emigrantskogo avtobiograficheskogo romana: ot “Zhizni Arsen’eva” I. Bunina k “Dar” V. Nabokova. Chast’ 1 [The thematic composition of an emigrant autobiographical novel: from “The life of Arsenyev” by I. Bunin to “The gift” by V. Nabokov. Part 1]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2020, no. 2, pp. 393–406. (in Russ.)
- Korobkov A. V. Rossiiskaya nauchno-tekhnologicheskaya diaspora v SShA [The Russian scientific and technological diaspora in the USA]. *Russian International Affairs Council*. 17.05.2012. (in Russ.) URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/> (accessed 05.02.2026).
- Markov A. V. Byl li Nabokov znakom s pamfletom na nego Dem’jana Bednogo? [Was Nabokov familiar with the pamphlet on him by Demyan Bedny?]. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 2018, vol. 28, no. 2, pp. 195–200. (in Russ.)
- Nabokov V. Lolita. London, Penguin Random House UK, 2015, 331 p.
- Nabokov V. V. Dar [The Gift]. Ann-Arbor, Ardis Publ., 1975, 415 p. (in Russ.)
- Nabokov V. V. Lolita [Lolita]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991, 415 p. (in Russ.)
- Nabokov V. V. Pnin [Pnin]. Ann-Arbor, Ardis Publ., 1983, 184 p. (in Russ.)
- Nabokov V. V. Stikhotvoreniya i poemny [Verses and poems]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 574 p. (in Russ.)
- Nabokov’s Butterflies. Ed. by Brian Boyd and Robert Michael Pyle. Boston, Beacon Press Publ., 2000, 782 p.
- Nakaryakova A. A. Prepodavateli v galeree nabokovskikh personazhei [Teachers in the gallery of Nabokov’s characters]. *Ural Federal University Bulletin. Series 2: Humanities*, 2015, no. 4 (145), pp. 200–208. (in Russ.)
- Pogrebnyaya Ya. V. Filosofiya imen sobstvennykh i nazvanii v lirike V. V. Nabokova (na materiale stikhotvoreniy, voshedshikh v prizhiznennyye sborniki) [The philosophy of proper names and names in the lyrics of V. V. Nabokov (based on the material of poems

included in lifetime collections]. *Colloquium-Journal*, 2021, no. 9-2 (96), pp. 30–33. (in Russ.)

Reinhardt R. O. Pochetnyi posol Rossii [Honorary ambassador of Russia]. *Observer*, 2017, no. 11 (334), pp. 108–115. (in Russ.)

Reinhardt R. O. Rossiiskaya nauchnaya diaspora za rubezhom: k voprosu ob identichnosti i samoidentifikatsii [Russian scientific diaspora abroad: identification and self-identification]. In: Modern identity in the face of global challenges: materials of the international scientific conference in Saint Petersburg, December 10–11, 14, 2024. Ed. by PhD in Economics Elena V. Viktorova. St. Petersburg, SpbSUE Publ., 2025, pp. 18–26. (in Russ.)

Reinhardt R. O., Nemudrov K. A. Razvitie nauchnykh diaspor kak instrument nauchnoi diplomatii: opyt Italii [Development of scientific diasporas as a tool of science diplomacy: Italian case]. *Russian Journal of Regional Studies*, 2025, vol. 33, no. 3 (132), pp. 468–482. (in Russ.)

Ryazantsev S. V., Pis'mennaya E. E. Emigratsiya uchenykh iz Rossii: "tsirkulyatsiya" ili "utechka" umov [Emigration of scientists from Russia: "circulation" or "brain-drain"]. *Sociological Studies*, 2013, no. 4 (348), pp. 24–35. (in Russ.)

Senina E. V. Retseptsiya kitaiskoi kul'tury i literatury v tvorchestve Germana Kochurova [The reception of Chinese culture and literature in the work of German Kochurov]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 2, pp. 46–58. (in Russ.)

Sirin V. Podvig [Glory]. *Sovremennye zapiski* (Paris), 1932, 139 p. (in Russ.)

Starodubtsev G. S. Stanovlenie russkoi nauchnoi mezhdunarodno-pravovoi diaspory v Berline (20-e gg. XX stoletiya) [The formation of the Russian scientific international law diaspora in Berlin in the 1920s]. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 4, pp. 337–346. (in Russ.)

Subbotin A., Aref S. Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020. *Scientometrics*, 2021, no. 126, pp. 7875–7900.

Yurevich M., Erkina D., Tsapenko I. Izmerenie mezhdunarodnoi mobil'nosti rossiiskikh uchenykh: bibliometricheskii podkhod [Measuring international mobility of Russian scientists: a bibliometric approach]. *World Economy and International Relations*, 2020, no. 9 (64), pp. 53–62. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Sinesteziya: metamorfozy khudozhestvennoi obraznosti [Synesthesia: metamorphoses of artistic imagery]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2004, 211 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Роман Отмарович Райнхардт, кандидат экономических наук, доцент

Scopus Author ID 57193744803

WoS Researcher ID F-3523-2016

Екатерина Владимировна Сенина, кандидат филологических наук

Scopus Author ID 57225148435

WoS Researcher ID ABG-8257-2022

Константин Алексеевич Немудров, аспирант

Райнхардт Р. О. и др. Тема русскоязычной научной диаспоры за рубежом

Information about the Authors

Roman O. Reinhardt, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor

Scopus Author ID 57193744803

WoS Researcher ID F-3523-2016

Ekaterina V. Senina, Candidate of Sciences (Philology)

Scopus Author ID 57225148435

WoS Researcher ID ABG-8257-2022

Konstantin A. Nemudrov, PhD Student

*Статья поступила в редакцию 20.02.2026;
одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 27.02.2026
The article was submitted on 20.02.2026;
approved after reviewing on 27.02.2026; accepted for publication on 27.02.2026*